

также на {416} Платона, Порфирия и других языческих писателей; в трудах богословских он с наименьшим уважением цитирует Священное писание и отцов церкви. Особенно в работах полемической направленности.

Так, опровергая учение о предопределенности смертного часа каждого человека, он специально подчеркивает, что опирается в своих доказательствах не на риториков и софистические методы, а на свидетельства пророков и учения отцов церкви. В делах веры они убедительнее всех силлогистических ухищрений, ибо «просвещены Св. Духом» (*Nic. Blem.* P. 1—2; 12). Однако правильно понять мысль отцов — дело далеко не простое. В согласии с традициями классической христианской экзегетики он считает, что и в их словах буквальный, поверхностный смысл, как правило, бывает не главным. На примере одного стиха из Феодора Студита Влеммид показывает, как надо добираться до глубинного, «высшего» смысла текста, который подчас может быть противоположным внешнему смыслу (*Ibid.* P. 5).

В трудах, не имеющих прямого отношения к богословию, он в большей мере опирается на античную мысль. Такова, например, его «Краткая логика», где античное наследие господствует как в чистом виде, так и в интерпретации византийских авторов, прежде всего Иоанна Дамаскина. Это касается и эстетических идей.

В «Автобиографии» Влеммид рассказывает, что он с детства изучал грамматику, поэмы Гомера, «Риторику» Гермогена, арифметику, астрономию, философию, которые помогали ему усваивать «духовные» (т. е. богословские) науки. Затем в своем научном творчестве он активно использовал все эти знания, особенно в философских сочинениях.

В III главе «Краткой логики» (PG. T. 142. Col. 709—716). Никифор уделил большое внимание одной из значимых проблем культуры — дифференциации науки и искусства; он дал там определение (к сожалению, краткое) искусства (в его антично-средневековом смысле). Сразу подчеркну, что глава целиком посвящена вопросам (а точнее — системе) *знания*. Наука и искусство включены как составные элементы в эту систему и рассматриваются преимущественно в *гносеологическом* ключе. В своих определениях Влеммид предельно немногословен, поэтому не все в них сегодня воспринимается однозначно. Тем не менее попытаемся проникнуть в смысл его столь важных для истории эстетической мысли представлений.

Познание, по Никифору, осуществляется с помощью особых познавательных сил души, к которым он относит чувственное восприятие ($\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\iota\varsigma$), воображение ($\phi\alpha\upsilon\tau\alpha\sigma\iota\alpha$), мнение ($\delta\acute{o}\xi\alpha$), мышление ($\delta\iota\acute{\alpha}\nu\omicron\iota\alpha$) и ум ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$) (*Ibid.* Col. 712CD (III.14)). Две последние силы — разумные ($\lambda\omicron\gamma\iota\kappa\alpha\iota$), а чувственное восприятие и воображение — неразумные ($\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\iota\varsigma$; $\lambda\omicron\gamma\omicron\iota$). Мнение находится между ними — оно бывает и разумным и неразумным, т. е. то склоняется к логосу, то отходит от него.

Высшей познавательной силой является ум, низшей — чувственное восприятие. Ум и мышление обладают «общим» знанием, низшие силы — лишь частным, или «частичным». Чувственное восприятие происходит только при непосредственном контакте (видение, например) с познаваемым предметом. Воображение — это «частное знание отсутствующего предмета». Со ссылкой на Аристотеля Влеммид разъясняет, что воображение запечатлевает и сохраняет в себе отпечатки, или образы, предметов, когда-то воспринятых чувственно, но теперь отсутствующих (*Ibid.* III. 18). {417}

Само знание, по Никифору, может быть сопряженным с разумом ($\mu\epsilon\tau\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\iota\varsigma$; $\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon$) и несопряженным, общим (универсальным) или частным (частичным). Науку и искусство он относит к знанию $\mu\epsilon\tau\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\iota\varsigma$; $\lambda\omicron\gamma\omicron\upsilon$. При этом частное знание составляет часть науки или искусства, а общее знание — совершенное (или высшее) искусство или совершенную (или высшую) науку. Различаются же они предметом, или субстратом ($\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\chi\omicron\upsilon\mu\epsilon\tau\omicron\upsilon$; $\nu\omicron\iota\lambda\omicron\kappa\epsilon\iota\mu\epsilon\upsilon\omicron\nu$). У науки он неизменяем, а у искусства — изменчив ($\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\chi\omicron\upsilon\mu\epsilon\tau\omicron\upsilon$). Итак, «искусство и наука различаются по предмету. Искусство есть универсальное знание (или знание всеобщего.— В. Б.) с участием разума, имеющее меняющийся (изменчивый) предмет» (*Ibid.* III. 6). Наука же — это «безошибочное и непоколебимое знание всеобщего» (*Ibid.* III. 9).

Под искусством Никифор, продолжая антично-средневековые традиции, имеет в виду некое практическое знание, или, как он пишет, «систему овладения навыками и упражнениями в них с некоей полезной целью для живущих» (*Ibid.* III. 7). Это система утилитарных знаний и навыков их практического применения. В пользе — главная ценность искусства, хотя Никифор признает существование и бесполезных («тщетных») искусств, к которым он относит искусство акробатов и канатоходцев, и искусств, вредных для жизни, к каковым он причисляет, например, колдовство.